

Репрессии не ожесточили сердца многодетной семьи Мораш из Царицыно

Из года в год 30 октября мы вспоминаем жертв политических репрессий. Сотни тысяч тех, кто покинул насиженные места, плодородные земли и оставил имущество по произволу советской власти, были сосланы в Сибирь. «Неблагонадежные» - короткая формулировка

ломала человеческие судьбы: с таким клеймом рождались ни в чем не повинные дети, с ним же умирали старики, не дождавшись реабилитации. Немало в Калачинском районе немцев, переживших репрессии.

Живут в селе Царицыно четыре сестры и два брата из большой семьи Мораш. Всего у родителей было 12 детей. В живых сейчас остались семеро: Альвина, Ольга, Альберт, Регина, Эрн, Виктор и Роза. Казалось бы, репрессивные меры должны сломить людей, ожесточить их сердца. О тех, с кем я вела беседу, ничего подобного сказать не могу. Это прекрасные, открытые и общительные люди. В их голосах не сквозят нотки осуждения, разве что легкая грустинка выдает сожаление об ушедших в мир иной родных.

Горечь той поры сменили жизнеутверждающие принципы, которые добавляли сил работать, строить семьи, растить детей и внуков. Люди эти являют собой пример сопротивления трудностям: жить, несмотря ни на что! Вот как об этом они рассказывают.

Альвина

- В Саратовской области у нас было все: дом, хозяйство, хороший огород, сладкие арбузы и яблоки. Когда нас погнали в Сибирь, не дали даже собрать урожай. Родители выпустили в поле коров, и те бродили недоенные, ревели. Этот рев долго стоял в ушах. Нас и самих, как скот, загнали в вагоны.

А там была кромешная темнота, никаких щелей, не то что окон! Народу – битком.

Когда расселяли на постой, а с нами была еще бабушка Анна Адамовна, то хозяйка сначала не пускала в дом. Правда, ей потом приказали, и она смирилась. Мы собирали мерзлую картошку в поле и пекли из нее коржики. Сразу по приезде я пошла в школу, а дома нянчила сестер и брата, потому что мама до ночи работала в поле. Женщины пахали на быках, тягали волокуши, скирдовали сено. Потом и я пошла работать. Чтобы прокормиться, ели лебеду, как-то раз нарвали мешок конопли, но верховой (была такая должность в колхозе) увидел и отобрал. На улицу невозможно было выйти, обзывали нас фрицами и гитлерами. Мы сидели дома под замком, чтобы чужие дети нас не били.

Ольга

- За две недели до выселения маму оповестили, что повезут в Сибирь. 8 сентября 1941 года она родила Мотю, а 14-го нас отправили. Везли в «телячьих» вагонах с наспех сооруженными нарами. Сестренке была неделя от роду, она лежала в люльке, которую прикрепили к нарам. Днем обычно поезд останавливался, а ночью шел на скорости. Бывало, вагон так раскачивался, что люлька ходила ходуном. Однажды Мотю чуть не выбросило из колыбельки, еле успели подхватить. Последствия поездки сказались на здоровье. Она очень долго болела, бабушка уже готовила ей на смерть одежду, вязала носочки. Однако Мотя выжила, умерла она в возрасте 79 лет.

Отца сразу забрали в трудовую армию. Работал на севере Свердловской области в шахте, валил лес. Если не выполнял дневную норму, то не давали кушать и не пускали в барак ночевать. Заставляли работать ночью. Папа был очень худой. Рассказывал, что от истощения не мог ходить, его выносили на носилках. И так – шесть лет.

У нас долго не было своего угла, жили на квартирах у людей. Года через четыре мама с бабушкой купили саманную землянку. В ней и встретили отца. Собственный дом у нас появился лишь в 1954 году, а в 1956-м нас реабилитировали. Мы, дети, тоже ходили расписываться в документах.

Регина

- Сначала нас привезли в Кормиловку, потом расселили по соседним деревням. Рассказ о прежней жизни мама всякий раз заканчивала словами: «Не дай Бог вам это увидеть». У нее всегда была одна мысль: чем нас накормить? Когда веяла пшеницу, прятала зернышки за пазухой. За это

могли посадить. А когда Альвина приносила маме кормить грудную Мотю, она прятала пшеницу в одеяльце. Дома зернапарили и заваривали молоком, чтобы получалась каша.

У нас была корова, потому что маме выдали справку, что в Саратовской области у нас имелось хозяйство. Помню, кожуру от картошки оставляли на весну для посадки. Росли мы дружными. Все вокруг были многодетные, и сосед Валера Панченко постоянно прибегал к нам. Во дворе летом стояли печь и длинный стол со скамейками. Как только мама наварит картошки, Валера – тут как тут. Первый садится за стол со словами: «У немцев лучше, чем у нас». Несмотря на то, что своих семеро по лавкам, мама подкармливала и чужого ребенка. На картошку она меняла свою одежду.

Эрна

- В послевоенные годы колхоз нам выделил дом. Семья наша разрослась. Когда собираемся вместе, ставим несколько столов. В последнее время мы с Региной доглядывали маму. Папа умер в 1967 году, а маму похоронили в 2003-м. Родителям было тяжело, но они никого не винили. Со временем я перестала чувствовать ущербность национальности. Родственники зовут в Германию, но какая она нам Родина...

Альберт

- Когда началась война, наши родители, Иван Петрович Мораш и Матрена Петровна Гор, работали в колхозе «Красная звезда». Климат в Саратовской области был теплый, жилось хорошо. В 1947 году папа вернулся в Царицыно из трудовой армии и пошел работать пастухом. Здесь у нас родились братья и сестры.

Жили трудно: в лесу заготавливали дрова для отопления, привозили их на быках, света не было. В бутылки наливали керосин, из тряпки делали фитилек, этот огонек нам и светил.

В семье тема репрессий не была под запретом, но от родителей никогда не слышал каких-либо жалоб.

...Наша беседа длилась почти три часа. И могла бы еще продолжаться, потому что бесконечным был поток людской памяти! Воспоминания о пережитом из первых уст всегда ценны для потомков. Как сложились судьбы двенадцати детей Мораш в спокойное время? В младенчестве умер Виктор (родившегося после войны мальчика вновь назвали этим именем). Матрена, Андрей, Иван и Лидия ушли из жизни в зрелом возрасте. Самая младшая, Роза Ивановна, проживает в Омске, она - строитель, воспитала двоих детей. Регина Ивановна 28 лет отработала в

клубе киномехаником, после сокращения семь лет разносила почту. У нее трое детей.

Эрна Ивановна работала в детском саду. Последние 15 лет – в магазине. Воспитала четверых детей. Ольга Ивановна осталась верна профессии доярки. У нее пятеро детей.

Самая старшая из сестер, Альвина Ивановна, пережила смерть сына Владимира. Девятый год ей помогает по дому социальный работник, хотя сама пенсионерка активна, несмотря на свои 87 лет. Чтобы побеседовать с ней, пришлось разыскивать по соседям, дома ей не сидится. Когда приехала в Царицыно, никак не ожидала познакомиться с такой большой и дружной семьей. Виктора Ивановича застать не удалось, был на работе. В день приезда 85-летняя Ольга Ивановна ходила в лес за грибами. А вот Альберту Ивановичу в этот день как раз исполнилось 82 года! В честь дня рождения, словно по заказу, в доме расцвел бело-розовый амариллис, выращенный верной спутницей жизни, Валентиной Александровной Кучиной. Вместе они живут 46 лет. Судьбу самой В.А. Кучиной легкой не назовешь, выросла в детском доме, а в собственном создает уют вязаными декоративными изделиями. Во дворе она выращивает цветы, мастерит поделки. Из родителей мужа знала только мать.

- Свекровь была хорошей, на власть не озлобленной, - вспоминает Валентина Александровна, - если бы сейчас была жива, то могла быть согретой любовью 23 внуков.

Детство, тронутое войной и политическими репрессиями... Выжили. Выстояли дети! Только у Регины, родившейся в 1953 году, появилась кукла...

Ирина Филатова.

НА СНИМКАХ: сестры Альвина, Ольга, Регина, Эрна
(в девичестве Мораш).

Фото Михаила ОЛЕНИЧА.

Библиография:

1. *Филатова И. Репрессии не ожесточили сердца многодетной семьи Мораш из Царицыно / И. Филатова // Сибиряк. – 2021. – 29 окт. – С. 6 : ил.*